

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

Научная статья

УДК 94(470)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.1>

РОЛЬ КИЗЛЯРА В ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В XVIII В.

Карим Абдулаевич Абдулаев

Дагестанский государственный университет (д. 43а, ул. Магомеда Гаджиева, 367000, Махачкала, Российская Федерация)
Аспирант
abdulaevamadi@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-5079-887X>

Аннотация. Введение. В российской пограничной политике на Северном Кавказе широко использовались фортификационные сооружения, которые, помимо военной функции, начинали приобретать значение экономических центров влияния на народы региона. Некоторые из них в итоге превращались в города, играя заметную роль в деле интеграции края к империи. История города-крепости Кизляра является наглядным примером воздействия империи на социально-экономические процессы на Северном Кавказе в XVIII в. **Материалы и методы.** В статье использованы принципы историзма и объективности. Применялись методы исторического исследования, такие как: историко-системный, ретроспективный и хронологический. Исследование основывается на комплексе первоисточников, часть из которых впервые вводится в научный оборот. **Анализ.** После упразднения крепости Святой Крест в 1735 г. российские войска отходят на Терек. Им предстояло обустроиваться в Кизлярском урочище, которое уже использовалось местными жителями как торговая площадка, и теперь перед ним открывались новые перспективы. Для города изначально была характерна полиэтничность, причем власти подчеркивали необходимость привлечь сюда на поселение выходцев из числа северокавказских народов. Кизлярский рынок делал рентабельными ремесленные занятия местных жителей. Кизляр оказался перевалочным пунктом, через который товаропоток перенаправлялся в Астрахань. Соответственно, и российские товары завозились на Северный Кавказ через этот город. Местные предприниматели довольно быстро

выстроили логику, благодаря которой в обе стороны направлялись грузы, связанные с постоянными поставщиками и потребителями. Кизляр не воспринимался горским населением как угроза и источник опасности. Здесь были сосредоточены экономические интересы самых разных сторон налаживавшегося в пограничье межэтнического диалога. **Результаты.** Военно-политическое и экономическое освоение Северного Кавказа происходило одновременно. Приграничные крепости становились центрами хозяйственного взаимодействия между подданными империи. Перспективы превращения крепости в полноценный город напрямую зависели от успехов в выстраивании взаимовыгодного экономического и культурного партнерства с местными народами. Наибольших успехов здесь достиг Кизляр, который стал ключевым пунктом в связях России с горскими и кочевыми народами региона и с рынками Востока.

Ключевые слова: Пограничная политика, империя, горцы, Северный Кавказ, крепость, Кизляр, торговля

Для цитирования: Абдулаев К. А. Роль Кизляра в пограничной политике России в XVIII в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 11–17. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.1>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 21.11.2025

Статья одобрена после рецензирования: 13.02.2026

Статья принята к публикации: 28.02.2026.

Research article

THE ROLE OF KIZLYAR IN THE BORDER POLICY OF RUSSIA IN THE 18TH CENTURY

Karim A. Abdulaev

Dagestan State University (43a, Magomed Gadzhiev St., 367000, Makhachkala, Russian Federation)
Postgraduate student
abdulaevamadi@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-5079-887X>

Abstract. Introduction. Fortifications were widely used in Russian border policy in the North Caucasus. Along with their military function, they began to acquire the significance of economic centers of influence on the peoples of the region. The history of the fortress city of Kizlyar is a clear example of the empire's influence on socio-economic processes in the North Caucasus in the 18th century. **Materials and methods.** The article uses the principles of historicism and objectivity. The study is based on a set of primary sources, some of which are introduced into scientific circulation for the first time. **Analysis.** After the abolition of the Holy Cross fortress in 1735, Russian troops retreated to the Terek. They had to settle in the Kizlyar tract, which was already used by local residents as a trading platform, and now new prospects were opening up for it. The city was initially multi-ethnic, and the authorities emphasized the

need to attract people from the North Caucasian peoples to settle there. The Kizlyar market made the local crafts profitable. Kizlyar turned out to be a transit point through which the flow of goods was redirected to Astrakhan. Accordingly, Russian goods were also brought to the North Caucasus through this city. Local entrepreneurs quickly built logistics, thanks to which cargoes connected with regular suppliers and consumers were sent in both directions. Kizlyar was not perceived by the mountain population as a threat or a source of danger. The economic interests of the most diverse parties of the interethnic dialogue being established in the borderland were concentrated there. **Results.** The military-political and economic development of the North Caucasus took place simultaneously. Border fortresses became centers of economic interaction between the subjects of the empire. The prospects for turning a fortress into a full-fledged

city directly depended on the success in building mutually beneficial economic and cultural partnerships with local peoples. Kizlyar achieved the greatest success here, becoming a key point in Russia's connections with the mountain and nomadic peoples of the region and with the markets of the East.

Keywords: border policy, empire, highlanders, North Caucasus, fortress, Kizlyar, trade

For citation: Abdulaev KA. The role of Kizlyar in the border policy of Russia in the 18th century. Humanities and law

research. 2026;13(1):11-17. (In Russ).
https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.1

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 21.11.2025

The article was approved after reviewing: 13.02.2026

The article was accepted for publication: 28.02.2026.

Введение. В качестве инструмента российской пограничной политики выступали основанные на Северном Кавказе укрепления, которые, помимо военной функции, начинали приобретать значение экономических центров влияния на народы региона. Некоторые из них в итоге превращались в города, играя заметную роль в деле интеграции края к империи. Данная тема уже давно привлекает внимание кавказоведов и имеет обширную историографию [9; 5; 7]. Мы акцентируем внимание на истории города-крепости Кизляра как наглядного примера воздействия империи на социально-экономические процессы на Северном Кавказе в XVIII в. Это позволяет отразить магистральную тенденцию в развитии российско-горских отношений.

К началу 30-х гг. XVIII в. стало понятно, что расчеты Петра Великого на обустройство трансконтинентального торгового маршрута оказались ошибочными. Изменилась и ситуация в Иране, где постепенно изживались последствия временной дезорганизации власти и укреплялось желание вернуть под свой контроль уступленные земли. Российское правительство сочло это приемлемой ценой за мир с персами, которые отвлекали на себя османскую угрозу. В результате заключенных договоренностей (первоначально в Реште в 1732 г., а потом в Гяндже в 1735 г.) Россия возвращала полученные при Петре I территории и вместо крепости Святого Креста возводила новый форпост на Тереке – Кизляр.

Он в значительной степени впитал уже имеющийся опыт создания в пограничье центра, не только военно-политического, но и экономического, социокультурного воздействия империи на народы северокавказского «лимеса». Кизлярскому начальству предстояло стать для местных жителей олицетворением российской власти, говорящим «голосом Петербурга» [7, с. 62–64].

Материалы и методы, использованные в ходе подготовки статьи, были обусловлены поставленной целью и задачами по ее достижению. Исследование опирается на принципы историзма и объективности. Это значит, что действительность изучалась с учетом конкретно-исторической ситуации, с выявлением объективных закономерностей, присущих пограничной политике Российской империи на Северном Кавказе. Исходя из требований познания общества, в работе делался упор на концепцию всеобщих связей, то есть единства социально-экономических и политических факторов, с применением диалектического подхода.

Использовались методы исторического исследования, такие как: историко-системный, с помощью которого политические события в регионе рассматривались как единое целое; ретроспективный метод, позволяющий дать оценку происходящим событиям, опираясь на мнения современников; хронологический метод, при котором различные аспекты пограничной политики рассматривались в той очередности, в которой они происходили.

В работе используются материалы, выявленные в Центральном государственном архиве Республики Дагестан (ЦГА РД), которые касаются проблем военно-политических и социально-экономических процессов в крае, а также сведения из источников, уже введенных в научный оборот, опубликованные в тематических сборниках, и воспоминания современников и участников изучаемых событий.

Анализ. К началу XVIII в. форпостом России на Северо-Восточном Кавказе оставалась крепость Терки, где современники отмечали весьма бурную торговую активность населения, благотворно сказывающуюся на благосостоянии местных жителей. Наличие торговых рядов и постоянных дворов, общественных бань и тому подобных учреждений, призванных обеспечить комфорт не только проживавшим здесь людям, но и приезжим купцам говорило о том, что Терки находились на подъеме. Многие иноземные купцы годами жили здесь и даже перевозили свои семьи, считая нецелесообразным надолго покидать это доходное место. Но только этим коммерческие связи крепости, ставшей городом, не ограничились. Сюда регулярно по торговым нуждам приезжали и местные торговцы, причем как из различных дагестанских владений, так и с территории Центрального Кавказа и Закавказья. Сюда горцы и кочевники привозили товары, связанные с собирательством, земледелием, животноводством, рыболовством. В свою очередь, они приобретали завозимые из России котлы, булавки, иглы, ножницы, одежду, железные ведра и прочие ремесленные товары. Отметим, что торговые предпочтения были важным элементом политического влияния на северокавказских владетелей.

Но город Терки решением Петра I утрачивает свой статус. Вместо него основывается крепость Святого Креста, которая лучше подходила для воплощения в жизнь замысла императора по созданию на Каспии транспортных коммуникаций, которые бы обеспечили надежную

связь с рынком восточных товаров. Предполагалось, что народы Северного Кавказа также будут задействованы в этом амбициозном проекте. Правительство рассчитывало привлечь их для производства шелка, красителей, вина, различных пряностей. Появление на Сулаке новой крепости привело к тому, что сюда перебралось немало купцов, ранее находившихся на Тереке. Сказывались налоговые льготы, которые были предоставлены желающим перенести свою торговлю в новую фортецию. Учитывая потребности гарнизона, Сенат весной 1824 г. повелел обеспечить беспешинную доставку сюда продовольствия, вина и табака. Аналогичные преференции получили те, кто привозил такой товар в Баку и Дербент. Солдаты и офицеры гарнизона обеспечивали устойчивый спрос на продовольственные товары, что привлекало многочисленных купцов к стенам крепости. Благодаря покровительству со стороны империи армянскому и грузинскому населению выходцы из этой среды, поселившиеся в Дагестане, активно включились в налаживание контактов России с рынками Закавказья и Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии. Армянские купцы уже имели хорошо налаженные связи с этими регионами, чем и постарались воспользоваться российские власти. Однако военно-политическая турбулентность последующих десятилетий не позволила удержать территориальные приобретения Петра Великого.

После упразднения крепости Святой Крест согласно условиям Гянджинского мирного договора 1735 г., российские войска отходят на Терек. Вместе с ними уходили к новому месту жительства и те поселенцы из числа кавказских народов, которые считали себя подданными империи. Им предстояло обустраиваться в Кизлярском урочище, которое уже использовалось местными жителями как торговая площадка, и теперь перед ним открывались новые перспективы [24, с. 223]. Один из современников писал: «...прибыли мы в Сулак... из всех мест сюда сошлось армян и грузинцев около 300 человек... потом все они остались в Кисларе и там поселились» [13, с. 79]. К сожалению, поспешность, с которой вынуждены были выводить гарнизон и проживавших в Святом Кресте людей, привела к значительным имущественным издержкам. Часть собственности пришлось бросить, так как транспорта для ее вывоза не было. К тому времени, когда укрепление было оставлено, командование уже определилось с новым местом дислокации [13, с.81].

Считается, что здесь уже небезуспешно действовали армяне, персы, кумыки, сумевшие создать общее поселение. Они торговали с Ираном, Тифлисом, Астраханью, горскими народами Северного Кавказа. Их успехи привлекали алчные взоры любителей легкой поживы, которые грабили удачливых купцов. По легенде, Петр I якобы задумал основать для их защиты крепость, но воплотить в жизнь замысел смогли

только его преемники [23, с. 193]. И хотя прямых доказательств присутствия на месте будущей крепости упомянутого поселения нет, по косвенным данным, его наличие видится вполне реалистичным [8, с. 176–179]. Российские власти старались использовать уже имеющийся экономический потенциал региона, вкладывая ресурсы туда, где можно было получить гарантированный результат. И в случае с Кизляром они не ошиблись. Город-крепость вскоре станет «кавказской столицей» империи, притягивая сюда всё новых сторонников российской державности.

Для города изначально была характерна полиэтничность, причем власти подчеркивали необходимость привлекать сюда на поселение выходцев из числа дагестанских народов. Для этого коменданту было дано распоряжение «для приохочивания» желающих выделять им большие участки земель под строительство домов и «под пашню». Кроме того, власти готовы были жаловать следующие «привольности»: не чинить препятствия «в свободных торгах и промыслах, в рыбных, звериных ловлях и в прочем» [4, с. 165].

В город стали приезжать купцы не только из Дагестана, но и из Чечни, Осетии, Кабарды. Возникло сразу три рынка, имеющих свою этническую специализацию (армянскую, татарскую и русскую). Действовали они на постоянной основе, или, как говорили, для «всегдашней продажи», поскольку торговля в Кизляре не приостанавливалась. Для нужд купцов возвели караван-сарай, так как число приезжих негоциантов сразу же сделало эту потребность первоочередной и жизненно необходимой задачей. Торгово-экономические функции Кизляра с самого начала не уступали его военному предназначению [5, с. 96].

Кизлярский рынок позволил реализовывать крупные партии товара и делал рентабельными ремесленные занятия местных жителей. Даже отдельные торговцы могли привозить на городские рынки десятки наименований различных товаров, явно ориентируясь в местном спросе и предложении. Из Кабарды, к примеру, завозили товары, связанные с животноводством, причем не только сырье, но и готовые изделия [20, с. 21, 23]. Порой приходилось даже останавливать некоторых торговцев, объем товара которых не вмещали базары города. Власти пытались регулировать эти процессы, и ситуация доходила до того, что комендант лично с воинской командой запрещал обозам прибывать в Кизляр со своей продукцией [5, с. 96–97].

Политика российской администрации была направлена на удовлетворение потребностей прежде всего местных народов. Известен случай, когда для иностранных купцов был запрещен вывоз холста, но горцы могли свободно приобретать этот востребованный товар. Во время нашествия Надир-шаха были введены ограничения на поставки персам продовольствия. На местные народы в данном случае та-

кие ограничения не распространялись. Кроме того, для горцев отменялись пошлины, что еще больше ориентировало их на участие в торговом обмене с российской стороной [16, с. 85–86]. Связано это было с политикой «ласканий», с помощью которых предполагалось заручиться доброжелательным отношением к империи со стороны северокавказских сообществ. Наиболее прочные связи, судя по фигурирующим в документах названиям поселений и оценке стоимости завозимых оттуда товаров, у города-крепости имелись с Аксаем, Тарками, Эндери, Старым Юртом и Брагунами [21, л. 35–72]. Привлекал городской рынок и выходцев из Чечни, которые завозили сюда дрова, таркалы, доски для бочек, а также различное продовольствие и ремесленные изделия [9, с. 64].

Впрочем, при необходимости эмбарго могло распространяться на враждебные владения и местных правителей, чтобы таким образом принудить их к политическим уступкам [2, с. 36]. Но такими мерами старались не злоупотреблять, и к середине столетия в Кизляр завозилось ежегодно товаров на сумму 6–7 тыс. рублей, что по местным меркам было весьма внушительно, тем более что были все основания еще больше увеличить эти показатели [9, с. 72].

Отметим и роль кизлярских предпринимателей в выкупе особого «товара» – пленников. Это была отнюдь не бескорыстная практика, так как выкупленные невольники должны были в дальнейшем отработать на виноградниках, принадлежащих местным владельцам, в течение шести или семи лет [3, с. 190].

Специфика торговли заключалась в том, что купцы могли попасть в самые отдаленные районы Кавказа, не опасаясь за свою жизнь и сохранность товара, лишь в том случае, если имели среди горцев кунаков. Таких товарищепокровителей было много у кизлярских армян, которые наиболее активно занимались предпринимательской деятельностью. На данное обстоятельство обратил внимание И. Я. Лерх, отметивший на страницах своих мемуаров, что это была своего рода услуга, за которую приходилось отдариваться подарками. В противном случае осмелившийся появиться без сопровождения купец был бы не только ограблен, но и мог оказаться в неволе [13, с. 88]. Естественно, что подобная практика удорожала конечную цену товара. К этому следует добавить и те поборы феодальных владетелей, которые были вынуждены платить купцы. Так, в шамхальстве Тарковском и уцмийстве Кайтагском за одну груженую товаром телегу купец должен был отдать до 2 руб. 50 коп., всадник и просто пеший человек платили по 1 руб. [11, с. 135].

На этом фоне освобождение торговцев от пошлин, практиковавшееся в Кизляре, способствовало привлечению на рынки города всё новых продавцов и покупателей. Но и здесь нередко

можно было столкнуться с нечистоплотностью местных чиновников, которые были не прочь заработать на поборах с торговцев. Видимо, проблема временами была настолько серьезной, что попала на страницы воспоминаний современников, отмечавших распространение данного порока. По крайней мере, у И. Г. Гербера данное обстоятельство трактуется как причина отсутствия рентабельности владений, присоединенных в Прикаспии при Петре I [10, с. 163–164]. Вряд ли ситуация в Кизляре кардинально отличалась от других городов. Впрочем, правительство само провоцировало эту ситуацию, когда весьма скудно снабжало местные гарнизоны, вынуждая изыскивать не всегда законные способы для жизнеобеспечения.

Кизляр оказался перевалочным пунктом, через который товаропоток переправлялся в Астрахань. Соответственно, и российские товары завозились на Северный Кавказ через этот город. Местные предприниматели довольно быстро выстроили логистику, благодаря которой в обе стороны направлялись грузы, связанные с постоянными поставщиками и потребителями. Как правило, если речь шла о завозимых изделиях, то это были товары повседневного спроса, рассчитанные на условного среднестатистического потребителя (хлопчатобумажная ткань, зеркала, ножницы, холст, обувь, блюда, сундуки и тому подобное). Регулярно встречались упоминания о муке, которая пользовалась постоянным спросом [18, л. 81, 19, л. 49–53, 21, л. 65–72]. Это позволяет говорить о том, что в торговле с Россией были заинтересованы широкие массы горцев, на которых и была рассчитана данная номенклатура товаров. Это была та социальная прослойка, которая являлась основой пророссийской ориентации. Рядовые общинники в меньшей степени, чем представители знати, были подвержены конъюнктурным колебаниям в своих внешнеполитических предпочтениях.

В свою очередь, в Астрахань регулярно поставлялись местное вино и марена. Объемы последней, издревле собираемой в Притеречье, неуклонно возрастали [5, с. 26]. Российская текстильная промышленность испытывала огромную потребность в красителе, что обеспечивало не только устойчивый спрос на эту культуру, но и весьма выгодную для продавца цену [6, с. 251].

Нельзя не отметить роль кочевого населения края в налаживании торговых связей, в том числе и с использованием кизлярской площадки. И здесь речь идет не только о продаже скота или изделий, связанных с переработкой шерсти, шкур и кож. Важной сферой деятельности кочевников была организация перевозки грузов, без которой успешность занятия коммерцией была бы невозможна [12, с. 58–63].

В рассматриваемый период торговля носила преимущественно меновый характер. Чаще всего в качестве мерила стоимости выступал холст, за который можно было получить различ-

ные вещи. Что касается денег, то в большинстве случаев они не вызывали интереса, так как приобрести на них в местных условиях что-либо было крайне затруднительно. Это касается и равнинных районов края, где торговые контакты получили гораздо большее распространение, чем в горах. С данным обстоятельством сталкивались прибывавшие для закупки марены фабриканты-текстильщики, которые просили у местной администрации разрешения на провоз материи в горские селения, так как они «на деньги ничего не продают» [22, л. 17].

Не игнорировали торговлю с жителями Северного Кавказа и крупные компании, которые получили от государства монополию на внешние экономические связи. Речь идет о «Торгующем в Персии купеческом обществе», открывшем в Кизляре собственную контору. Правительство позволяло ему «товары от Астрахани и Кизляра в Персию отпускать водою и сухим путем, а другим, не записавшимся в компанию, запрещено торговать с Персией» [15, с. 174]. Комендант крепости даже считал необходимым уточнить у вышестоящего начальства, не будет ли препятствовать она торговле с горцами, так как прекрасно понимал, что это может оттолкнуть их от российского государства. И. Л. Фрауендорф отмечал, что «горским кабардинским, так и кизлярским азиатским народам от того последует вместо купецких авантажей немалое неблагополучие и оскорбление, от которого иные притти могут, а паче кизлярския от неторговли, в убожество» [14, с. 93].

В итоге правительство сочло наличие монополии убыточным для интересов государственной казны, и в 1762 г. она была ликвидирована. Судя по данным статистики привоза и отпуска товаров, зафиксированных астраханской таможней, торговля от этого не только не пострадала, но с каждым десятилетием только возрастала [3, с. 89].

Кизляр был включен в логистику поставок товаров с Востока, которые организовала Джульфинская торговая компания. Главную роль в ней играли армянские предприниматели. Компания обладала огромными возможностями по бесперебойному обеспечению российского и европейского рынка шелком. Учитывая многочисленные опасности, с которыми сталкивались купцы, государство поддерживало их с помощью гибкой налоговой политики и системы страхования. Только шелком коммерция не ограничивалась. Закупались любые виды товара, который мог бы принести прибыль. Считается, что участвующие в этом кизлярские купцы имели до 50 % дохода от каждого вложенного в торговлю рубля [1, с. 8–9].

С 1755 г. в Кизляре начинает действовать таможня. Это достаточно болезненно сказалось на интересах мелких производителей и торговцев, или, как они фигурировали в документах того времени, «маломочных промышленников». Но в условиях пограничья такая практика не столько способствовала пополнению казны, сколько загоняла население в «теневую» сферу экономической деятельности. Реакция последовала незамедлительно. Борясь с ограничениями, население начинает активно промышлять контрабандой, борьба с которой заметными успехами не отличалась. Не помогли даже угрозы физической расправы над нарушителями [17, с. 99]. Сказывалось отсутствие необходимой численности таможенного персонала. Да и его увеличение не гарантировало исправление ситуации. Сборы, получаемые от горцев, вызывали их многочисленные жалобы, суть которых сводилась к тому, что они являются подданными империи и, следовательно, таможня творит произвол [17, с. 114–115].

При всех имеющихся разногласиях Кизляр не воспринимался горским населением как угроза и источник опасности. Здесь были сосредоточены экономические интересы самых разных сторон налаживавшегося в пограничье межэтнического диалога. Маркером этого можно считать те показатели доходов, которые, судя по материалам Кизлярской таможни, увеличивались с каждым годом [7, с. 188]. И хотя город к 80-м гг. XVIII в. постепенно утрачивает свои лидирующие позиции политического центра российского Кавказа, его экономические позиции сохраняются до конца столетия. До 90% торговых оборотов Кавказской линии принадлежало этому городу [9, с. 72].

Результаты. Военно-политическое освоение Северного Кавказа происходило одновременно с экономическим. Многие российские укрепления становились центрами хозяйственного взаимодействия народов региона с империей. Более того, перспективы превращения крепости в полноценный город напрямую зависели от того, сможет ли его комендант наладить взаимовыгодные связи с горскими и кочевыми обществами. Наибольших успехов здесь достиг Кизляр, который к тому же стал важным пунктом, связывающим Россию с рынками Востока. Транзитная торговля была выгодна всем сторонам, участвующим в товарообмене. Российские власти были заинтересованы, чтобы с Кавказа они могли получать шелк, вино, марену и прочие товары, в которых нуждалась империя. Это, в свою очередь, стимулировало хозяйственные процессы в регионе, позволяло снизить накал конфронтации, который имел место в российско-горских отношениях.

Литература

1. Абдурахманова М. С. Роль армянского купечества в развитии транзитной торговли через Дагестан в XVII – XVIII вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 4. С. 7–11.
2. Акбиев А. С. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1998. 152 с.

3. Броневский С. М. Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: В 2 томах: т. 1, т. 2 / Подготовка текста к изданию, предисловие, примечания, словарь малоупотребительных слов, указатели И. К. Павловой. СПб: Петербургское Востоковедение, 2004. 464 с.
4. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. I. СПб: тип. имп. Акад. наук, 1869. 545 с.
5. Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека: (Досоветский период). Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1986. 248 с.
6. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. 392 с.
7. Гарунова Н. Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала: б.и., 2007. 275 с.
8. Гарунова Н. Н. К вопросу о дате основания крепости Кизляр в XVIII в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 3 (126). С. 176–179.
9. Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX вв. Грозный: «Грозненский рабочий», 1961. 197 с.
10. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. / Составление, введение, вступительная статья к текстам и примечания В. Г. Гаджиева. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1992. 304 с.
11. История, география и этнография Дагестана XVII–XIX вв. Архивные материалы. / Под редакцией М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.: Издательство Восточной литературы, 1958. С. 125–137.
12. Кидирниязов Д. С. Из истории торговых отношений ногайцев с Россией (XVI–XVIII вв.) // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала: ДНЦ АН СССР, 1991. С. 58–63.
13. Лерхе И.Я. Выписка из путешествия Иоанна Лерхе, продолжавшегося от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам лежащим на западном берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения. СПб, 1790. Часть XLV. Март. С. 66–100.
14. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов. / отв. ред. В. Г. Гаджиев. М.: Наука, 1988. 357 с.
15. Семенов А. Изучение исторических связей о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год. СПб, 1859. Часть I. 295 с.
16. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. 244 с.
17. Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – начале XIX вв. М.: Таус, 2008. 256 с.
18. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 379. Оп. 1. Д. 111.
19. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 259.
20. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 275.
21. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 320.
22. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 480.
23. Шидловский Ю. Записки о Кизляре // Журнал Министерства Внутренних дел. 1843. Часть IV. С. 161–208.
24. Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 214–243.

References

1. Abdurakhmanova MS. The role of Armenian merchants in the development of transit trade through Dagestan in the 17th – 18th centuries. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015;2(62), 4:7–11. (In Russ.)
2. Akbiev AS. Kumyks. Second half of the 17th – first half of the 18th century. Makhachkala: Dagestan book publishing house; 1998. 152 p. (In Russ.)
3. Bronevsky SM. The latest news about the Caucasus, collected and supplemented by Semyon Bronevsky: In 2 volumes: v. 1, v. 2 / Preparation of the text for publication, preface, notes, dictionary of rarely used words, indexes by I.K. Pavlova. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies; 2004. 464 p. (In Russ.)
4. Butkov P.G. Materials for a new history of the Caucasus, from 1722 to 1803. Part I. St. Petersburg, 1869. 545 p. (In Russ.)
5. Vasiliev DS. Essays on the history of the lower reaches of the Terek: (Pre-Soviet period). Makhachkala: Dagestan book publishing house; 1986. 248 p. (In Russ.)
6. Gadzhiev VG. The role of Russia in the history of Dagestan. Moscow: Nauka; 1965. 392 p. (In Russ.)
7. Garunova NN. Russian fortress cities in the context of Russia's policy in the North-Eastern Caucasus in the 18th – first half of the 19th century: problems of political, economic and cultural integration. Makhachkala, 2007. 275 p. (In Russ.)
8. Garunova NN. On the date of the foundation of the Kizlyar fortress in the 18th century. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2018;3(126):176–179. (In Russ.)
9. Gritsenko NP. Socio-economic development of the Priterechny districts in the 18th – first half of the 19th centuries. Grozny: "Groznsky Rabochy", 1961. 197 p. (In Russ.)
10. Dagestan in the news of Russian and Western European authors of the 13th – 18th centuries / Compilation, introduction, introductory article to the texts and notes by VG. Gadzhiev. Makhachkala: Dagknigoizdat; 1992. 304 p. (In Russ.)
11. History, Geography and Ethnography of Dagestan in the 17th – 19th Centuries. Archival Materials. / edited by M.O. Kosven and H.-M. Khashaev. Moscow: Eastern Literature Publishing House; 1958. p. 125–137. (In Russ.)
12. Kidirniyazov DS. From the history of trade relations of the Nogais with Russia (16th – 18th centuries). Tovarnodenezhnye otnosheniya v dorevolucionnom Dagestane. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of the USSR Academy of Sciences; 1991. p. 58–63. (In Russ.)

13. Lerche IYa. Extract from the journey of John Lerche, which lasted from 1733 to 1735 from Moscow to Astrakhan, and from there to the countries lying on the western shore of the Caspian Sea. New Monthly Works. St. Petersburg, 1790. Part XLV. March. Pp. 66–100 (In Russ.)
14. Russian-Dagestani relations in the 18th – early 19th centuries: Collection of documents. / ed. V.G. Gadzhiev. Moscow: Nauka; 1988. 357 p. (In Russ.)
15. Semenov A. Study of historical connections about Russian foreign trade and industry from the middle of the 17th century to 1858. St. Petersburg, 1859. Part I. 295 p. (In Russ.)
16. Smirnov NA. Russia's Policy in the Caucasus in the 16th – 19th Centuries. Moscow: Publishing House of Social and Economic Literature; 1958. 244 p. (In Russ.)
17. Feodaeva FZ. Russian-Dagestani relations in the second half of the 18th – early 19th centuries. Moscow: Taus; 2008. 256 p. (In Russ.)
18. Central State Archive of the Republic of Dagestan (CGA RD). F. 379. Inv. 1. D. 111. (In Russ.)
19. CGA RD. F. 379. Inv. 1. D. 259. (In Russ.)
20. CGA RD. F. 379. Inv. 1. D. 275. (In Russ.)
21. CGA RD. F. 379. Inv. 1. D. 320. (In Russ.)
22. CGA RD. F. 379. Inv. 1. D. 480. (In Russ.)
23. Shidlovsky Yu. Notes about Kizlyar. Zhurnal Ministerstva Vnutrennih del. 1843:IV;161–208. (In Russ.)
24. Shikhsaidov AR., Aitberov TM., Orazhev GM.-R. Dagestan Historical Works. Moscow: Nauka. Eastern Literature; 1993. 302 p. (In Russ.)